

Камера-обскура

Телефильм о Наташе Королевой на ОРТ

Алексей МУНИПОВ

«Она вовсе не похожа на хрупкую девочку из дамского романа. Меня сводит с ума двойственная природа моей нимфетки — всякой, быть может, нимфетки: эта смесь в Лолите нежной мечтательной детскости и какой-то жутковатой вульгарности, свойственной курносой смазливости журнальных картинок и напоминающей мне мутно-розовых несовершеннолетних горничных у нас в Европе, да тех очень молоденьких блудниц, которых переодевают детьми в провинциальных домах терпимости. Но в придачу — в придачу к этому мне чувствуется неизъяснимая, непорочная нежность, проступающая сквозь мускус и мерзость, сквозь смрад и смерть. Боже мой, Боже мой... И наконец — что всего удивительнее — она, эта Лолита, моя Лолита, так обособила древнюю мечту автора, что надо всем и несмотря ни на что существует только — Лолита...»

«Мы вертим мужчинами, как захотим. И мне кажется, им это даже нравится». Это уже не Набоков. Это Наталья Королева — о Гумберте и о себе. История Анабеллы Гейз, Долорес Ли, Наташи Порывай, которая любила, да и вышла замуж. Телеистория украинской нимфетки, которая сама нашла своего Г.Г., преуспела, выжила, не сбежала с подвернувшимся похот-

ливым Клэром Куйльти (а одному Яхве известно, сколько таких Клэров ожидают справедливой гумбертовской пули на светских тусовках, в ночных клубах, за кулисами концертных залов). Телепризнание, снятое вполне по канонам «Догмы», киноманifesta Ларса фон Триера и компании — любительской камерой, без света и декораций, дрожащей рукой семейного хроникера (влюбленной рукой самого Гумберта?). Наспех сваренное яйцо аккуратно к Женскому дню — часовой прайм-тайм на ОРТ накануне расслабленных выходных.

«Когда Игорь первый раз привел ко мне эту пампушку, созданную из одного кокетства, я и не думала, что она так далеко пойдет», — как-то в сердцах заметила Пугачева. Алле Борисовне довелось в свое время побыть в роли Гейзихи, пусть и виртуальной, — когда все судачили о ее якобы близких отношениях с Николаевым, в него умудрилась влюбиться Кристина. Но про то, что «эта пампушка» пойдет так далеко, и в самом деле не думал никто. Когда Королева впервые приехала в Москву и встретила с Николаевым, она только-только вышла из классического возраста нимфетки — все еще наивная, пухлая, пышущая детством девушка и в то же время маленький демон, гоголевская панночка, на которую не зазорно бросать оценивающие

взгляды — не зазорно «в лоне нашей цивилизации, которая позволяет мужчине увлекаться девушкой шестнадцатилетней, но не девочкой двенадцатилетней». Эта смесь порочности и невинности, густой провинциальной беспечности, которая не выветрилась даже после поездок на Багамы и в Париж, и малороссийского нарциссизма в самом деле оказалась действенной. Гумберт кончил свои дни в тюрьме, Лолита умерла, разродившись мертвым ребенком, — Николаев и Королева, кажется, вполне счастливы и даже позволяют себе устраивать рекламные разводы.

Однажды оседлав удачный имидж, Наташа использует его и по сей день, несмотря на то что любые, даже самые суровые границы совершеннолетия ею давно перейдены. Теперь ей позволено многое — даже снимать фильмы про себя, даже озвучивать их томным голоском: «та я всегда заставляю людей удивляться, я ш упорная, я с детства хорошо пела». Так и слышится за кадром шорох перелистываемых комиксов, торопливое бумканье жевательной резинки, шипение открываемой бутылки с коллой. Впрочем, согласно жизненным реалиям путеводную лолитину звезду Попкорна и Коки следует заменить на «кучу вкусных бутербродиков» — их настругала для голодного Николаева Наташина мама в памятный, первый еще, переезд Киев—Москва. Игорь подо-

МИХАИЛ ГРУШИН

Обаяние нимфетки творит чудеса

брел и взял Королеву с собой на гастроли — присмотреться поближе. Присмотрелся.

«Милый читатель должен понять, что странник, обладающий нимфеткой, очарованный и пораженный ею, находится как бы за пределом счастья! Ибо нет на земле второго такого блаженства, чем блаженство нежить нимфетку».

Очевидно, что в жизни Королева не ангел и не демон, и уж тем более не девочка-припевочка — даже в авторизованный фильм мельком

прорвалась сцена, где она перед концертом, судорожно поправляя на груди чудовищных размеров накладной цветок, гыркает на обслуживающий персонал. Но какова она в жизни, слушателю знать не нужно, и показанный фильм ровным счетом ничего об этом не сообщает. Это всего лишь очередной шаг по обживанию однажды завоеванного пространства — ниши «самой молодой поп-звезды». Инвестиция в далекое будущее, когда выбранную роль станет уже невозможно

играть — очарование юности уйдет, но останутся вытверженные связи: Дельфин и Русалка, Королева и желтые тюльпаны.

«И пока Гейзиха и я спускались по ступеням в затаивший дыханием сад, колени у меня были, как отражение колен в зыбкой воде, а губы были как песок.

— Это была моя Ло, — произнесла она, — а вот мои тюльпаны (лилии, конечно, лилии; — А.М.).

— Да, — сказал я, — да. Они дивные, дивные, дивные».

12.3.99.

Королева Наталья

89